

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА
АДМИНИСТРАЦИИ Г. ГУВЕРА
(1929–1933 гг.): ИСТОРИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА**

© 2010 г. **В.С. Васильев***
Институт США и Канады РАН, Москва

В статье показано, что именно проводившийся при Г. Гувере либеральный подход к кризису 1929–1933 гг. по принципу «всё рассосётся само собой и не надо вмешиваться» привёл к «Великой депрессии», из которой США выбрались только благодаря энергичному вмешательству в экономические процессы со стороны государства при Ф. Рузвельте.

Ключевые слова: США, «Великая депрессия», экономическая политика (стратегия) администрации Гувера, антикризисные подходы либеральных экономистов и монетаристов.

**Economic Policy of H. Hoover's Administration
(1929–1933): Historical Appraisal**

V.S. Vasiliev
*Institute of USA and Canada Studies Russian Academy of Sciences,
Moscow*

It is precisely the liberal approach of H. Hoover's administration to the 1929–1932 crisis abiding by the principle “everything will improve by itself so it is unnecessary to intrude” that led to the Great Depression which was overcome thanks only to the energetic interference into economic processes by the State under F. D. Roosevelt.

Key words: USA, Great Depression, economic policy of H. Hoover's Administration, anti-crisis theories, liberal economics, monetarists theory.

Известный американский экономист, лауреат Нобелевской премии по экономике за 2008 г. П. Кругман в одной из своих публикаций отметил примечательную особенность текущего финансово-экономического кризиса: поведение и образ мыслей многих ключевых политических фигур, формирующих экономическую политику как на общенациональном, так и на региональном уровне, напомнили ему подход к решению экономических потрясений «вселенского масштаба», который в своё время отличал действия республиканской администрации Герберта Гувера, ныне почти забытого даже узкими специалистами. Применительно к США, в настоящее время заигрывание с «гуверовской политикой» продемонстрировала большая часть губернаторов американских штатов. Как подчеркнул П. Кругман, «ни один современный американский президент не повторит бюджетной ошибки 1932 г., когда федеральное правительство

* **ВАСИЛЬЕВ Владимир Сергеевич** – доктор экономических наук, главный научный сотрудник ИСКРАН, Москва. E-mail: vsvasiliev@mail.ru.

попыталось сбалансировать свой бюджет в самый разгар жесточайшего экономического кризиса... Но пока Вашингтон пытается спасти экономику, страну пошатывает от действий 50 гербертов гуверов – губернаторов штатов, которые резко сокращают бюджетные расходы в кризисный период, нередко за счёт благосостояния наиболее социально уязвимых слоёв общества, тем самым ставя на карту экономическое будущее страны»[1].

«Гуверовская модель» реагирования на обостряющиеся экономические трудности, однако, не ограничивается «техническими нюансами» бюджетной политики федерального центра. Речь надо вести о более широком «философском подходе» и реакции на «экономические цунами», которые происходят «раз в 100 лет» и именно по этой причине не остаются в памяти того поколения людей, которому волею судеб суждено вновь оказаться на пороге испытаний и потрясений, не имеющих аналогов в их прошлом опыте и сознании, и привыкшему жить преимущественно в период экономического благоденствия и относительного благополучия. Но, говоря словами американского философа испанского происхождения Дж. Сантаяны (1863–1952 гг.), «те, кто не помнит ошибок Прошлого, обречены на то, чтобы повторять их вновь и вновь»*[2].

Председатель Правительства Российской Федерации В.В. Путин, выступая на открытии Всемирного экономического форума в Давосе (28 января 2009 г.) подчеркнул: «...не поговорив о причинах, которые привели мировую экономику к сегодняшнему состоянию, мы не сможем выработать правильных рецептов лечения этой болезни. Сегодня мир столкнулся с первым по-настоящему глобальным экономическим кризисом. Причем скорость развития кризисных проявлений бьёт все рекорды. Текущую ситуацию часто сравнивают с Великой Депрессией конца 1920-х – начала 1930-х годов прошлого века. Параллели, действительно, просматриваются. Но есть и принципиальные отличия. В эпоху глобализации кризис коснулся всех без исключения стран, вне зависимости от их политической или экономической системы – все оказались в одной лодке. Есть известное понятие – идеальный шторм, когда разыгравшиеся природные стихии сходятся в одном эпицентре и кратно умножают свою разрушительную силу. Нынешний кризис, похож именно на такой “идеальный шторм”»**.

Наследие Г. Гувера в современном экономическом и политическом сознании

Исключительно значимым фактом истории «Великой депрессии» в США является то обстоятельство, что своего «дна» американская экономика в ходе экономического кризиса 1929–1933 гг. достигла в марте 1933 г.^{***}, т.е. к тому времени, когда в Вашингтоне приступила к исполнению своих обязанностей демократическая администрация Ф. Рузвельта, избранного президентом США

* Это хрестоматийное высказывание американского философа вошло в анналы философской мысли как «закон повторяющихся последствий Сантаяны».

** <http://www.premier.gov.ru>

*** Согласно официальной хронологии экономических циклов США, составляемой Национальным бюро экономических исследований, экономический кризис 1929–1933 гг. начался в августе 1929 г. в III квартале, закончился в марте 1933 г. и продолжался в общей сложности 43 месяца (NBER. U.S. Business Cycles Expansions and Contractions (<http://www.nber.org>)).

в ноябре 1932 г. «Великая депрессия» может быть разделена на два периода: на период пребывания у власти администрации Гувера, когда американская экономика медленно, но верно сползала к низшей точке падения экономической активности, и на последующий период «Нового курса», когда началось её поступательное, хотя и неравномерное, «всплытие». Факт этот не получил практически никакого объяснения в современных американских теориях циклического развития экономики, которые оперируют в основном макроэкономическими параметрами изменения экономической конъюнктуры, хотя в трактовке видного американского экономического историка П. Тёмина фактор «смены политического режима» фигурирует, например, в качестве основного переломного момента в истории «Великой депрессии».

В середине 1990-х годов в кратком изложении основных вех «Великой депрессии» (в разделе о начале подъёма американской экономики) Тёмин особо указал на тот факт, что «в 1932 г. депрессия казалась необратимой и далёкой от своего завершения. Везде царила экономическая разруха. Никто не ожидал отдачи от новых инвестиций, да и новых инвестиций практически не было. Стабильная занятость была скорее исключением, и многие рабочие уже привыкли к безработице как образу жизни. Казалось, что к этому времени так и не было найдено никакого эффективного противоядия экономическому кризису... Однако эта точка зрения была ошибочной. Депрессия только на первый взгляд отражала законы инерционного развития экономики. Нисходящая спираль была закреплена и ускорена государственной политикой и политикой центрального банка.... Контракты заключались и инвестиции совершались исходя из представлений о нарастающей дефляции. Экономическая активность являлась только отражением этих экспектаций, поскольку государственная политика их и предопределяла. Инвесторы и рабочие реагировали не на изолированные акции государства – они действовали в рамках политического режима, т.е. систематической и предсказуемой части всех решений». Приход к власти в марте 1933 г. Рузвельта и явился «тем драматическим и отчётливо видимым изменением политического режима», которое в свою очередь изменило ожидания деловых кругов, рабочих и служащих, «и впоследствии было дополнено эффективной макроэкономической политикой»[3].

Политический режим, установленный правоконсервативной администрацией Гувера, отражал – говоря современным языком – установки «рыночного фундаментализма», которым она следовала, считая их своего рода истинами Священного писания. В своих мемуарах, увидевших свет в начале 1950-х годов, Гувер с предельной откровенностью изложил понимание им самим и членами его администрации надвинувшегося на Америку на рубеже 1920-х – 1930-х годов кризиса, который понимался как *«катарсис»*. Эту точку зрения на инструментальную роль экономического кризиса сформулировал главный идеолог гуверовской администрации, бессменный министр финансов в трёх республиканских администрациях в период 1921–1932 гг. Э. Меллон. И сам Гувер определил её как «ликвидационную теорию»: «кризис сам себя ликвидирует». Историческая ирония этого высказывания состоит в том, что на президентских выборах в ноябре 1932 г. была ликвидирована вся «ликвидационная команда» Г. Гувера.

Именно на «теории ликвидации» была построена простая и незамысловатая формула Э. Меллона: «Ликвидировать труд, ликвидировать акции, ликвидировать фермеров, ликвидировать недвижимость». Меллон настаивал на том, что даже панические настроения отнюдь не являются злом, с которым следует бороться: «Кризис очистит нашу систему от всего гнилого и наносного. Понизится жизненный уровень населения, зато люди будут интенсивнее трудиться и обретут более праведный образ жизни. Система ценностей будет скорректирована, и по-настоящему предприимчивые люди подберут обломки бизнеса менее компетентных людей». Меллон любил повторять фразу о том, что «на территории США находится такое количество недвижимости, что мы даже и не знаем, кому она принадлежит»[4, v. 3, p. 30].

Вторая теория сводилась к тому, что как только экономика США достигнет дна, то худшее будет позади, и она «автоматически» – оттолкнувшись от этого самого дна – начнёт поступательное движение вверх. Современные рыночные фундаменталисты в течение последних 15–20 лет весьма преуспели в том, чтобы внушить широкой общественности представление о том, что именно социально-экономические реформы Ф. Рузвельта, будучи «навешены» на ослабленную кризисом экономику, породили феномен затяжной депрессии, которая могла закончиться сравнительно быстро и без всяких «политических эксцессов» через пару-тройку лет после 1932 г. Применительно к современному финансово-экономическому кризису это выливается в рефреном звучащие рекомендации, в том числе и на уровне таких форумов, как встречи «Большой двадцатки», что при первых признаках «оздоровления экономики» государство немедленно должно свернуть свою активность на поприще антикризисных мер, дабы уступить в глобальном масштабе дорогу «здоровым» рыночным силам конкуренции, а также свободной игре сил спроса и предложения.

Эту точку зрения в достаточно цельной форме сформулировал проф. экономики Калифорнийского университета Л. Оханиан. Выступая в Конгрессе США весной 2009 г. на слушаниях, посвящённых урокам «Нового курса» Ф. Рузвельта, он безапелляционно заявил о том, что «Новый курс» представлял собой «набор мер экономической политики, принятых в ответ на “Великую депрессию” и имевших целью смягчить проявления экономических трудностей и способствовать экономическому возрождению. Современный экономический кризис обнаружил много параллелей с “Великой депрессией” и вплотную поставил вопрос о том, в какой мере нам необходим “новый” “Новый курс”. Исследование показывает, что политика “Нового курса” крайне негативно сказалась на экономическом возрождении вследствие блокировки действия нормальных сил спроса и предложения и что американская экономика развивалась бы быстрее в её отсутствие»[5].

Далее Л. Оханиан привёл достаточно длинный список экономистов и их трудов, включая трёх лауреатов Нобелевской премии (!), которые «долго и упорно» – на протяжении почти 45 лет! – доказывали этот тезис[6]. Но и М. Фридман, и Р. Лукас, и Э. Прескотт – по вполне понятным причинам – «забыли» упомянуть, что этот тезис является не чем иным, как прямым плагиатом из мемуаров Г. Гувера, которому, наверное, и следовало бы присудить вышеупомянутую награду, поскольку, по убеждению Оханиана, это «Нобелев-

ское трио» само вряд ли могло додуматься до такого «эпохального экономического открытия».

Г. Гувер был и до конца своих дней остался убеждённым идейным противником, можно смело сказать – антагонистом Ф. Рузвельта, которого он ненавидел не только за то, что тот поставил «жирный крест» и на политической карьере Гувера, и на его философии «свободного рыночного хозяйства». Эта ненависть зашла так далеко, что Гувер не постеснялся поставить Ф. Рузвельта в один ряд с Гитлером и Муссолини: «Все коллективистские лидеры неизменно прибегали к технике концентрированной ненависти в отношении одного слоя или сегмента общества. Ленин направил свою ненависть против “буржуазии”, Гитлер – против евреев, Муссолини – против коммунистов и демократов. Рузвельт сосредоточил весь пафос своего гнева против класса, который он называл “экономическими роялистами”. Какие бы дивиденды эта техника не приносила в политическом плане, её результатом неизменно являлся удар по репутации вполне приличных людей и общее замедление темпов экономического развития страны»[4, v. 3, p. 478].

В заключительной главе своих мемуаров Гувер построил довольно «хитроумную» схему, смысл которой состоял в том, что он с огромными, но не с катастрофическими, политическими издержками довёл американскую экономику «до дна», которого, как считалась, она достигла в июле 1932 г., и вот тогда, когда начался её долгожданный подъём, к власти пришёл Ф. Рузвельт и превратил 4-летний экономический кризис в десятилетие «Великой депрессии». Гувер сформулировал свои тезисы предельно чётко и сжато (и в этой форме они и переключались в работы Фридмана, Лукаса, Прескотта и прочих рыночных фундаменталистов): «Преодоление Великой депрессии в других странах со свободной экономикой произошло сравнительно быстро, но вследствие программ “Нового курса” оно так никогда и не наступило в мирное время при Рузвельте. Основная причина этого провала состояла именно в попытке “Нового курса” коллективизировать американскую жизнь»[4, v. 3, p. 471].

Забвение Гувера по причине его фантастической непопулярности в современном американском общественном сознании оборачивается и тем, что современные политики, представляющие интересы, прежде всего, деловых кругов, невольно воспринимают психологические стереотипы сознания далёкого прошлого, отражающие реакцию на кризисные явления в развитии мировой и национальной экономик. Для Гувера события на рубеже 1920-х – 1930-х годов явились «штормом»; в предисловии к своим мемуарам о годах «Великой депрессии» он писал: «Никогда до этого Америка не сталкивалась с таким штормом, разыгравшимся одновременно как внутри страны, так и за её пределами, и поэтому у неё было мало опыта, который она могла использовать». Через несколько страниц Гувер вернулся к облюбованной метафоре: «Экономические штормы не возникают на пустом месте, и они меняют своё направление без предупреждения. За три года моего президентства – за годы спада и депрессии – они постоянно меняли своё направление в худшую сторону, и при этом со скоростью света»[4, v. 3, p. vii, 29].

Это обстоятельство важно учитывать при анализе экономической политики администрации Гувера, поскольку с ним вполне можно согласиться в том, что

никогда до этого ни один американский президент и ни одна американская администрация не занимались всерьёз проблемой периодических циклических спадов в экономике США. Гувер в самом начале своих мемуаров, относящихся к периоду «Великой депрессии» не преминул отметить, что «ни один американский президент [до него. – В.В.] никогда даже и не считал, что экономические неурядицы являются сферой государственной ответственности, даже независимо от их остроты. Сталкивавшиеся с экономическими кризисами президенты упорно старались их не замечать, полагая, что федеральное правительство должно стоять от них в стороне». Правда, не преминул отметить далее Гувер, «президенты Ван Бурен, Грант, Кливленд и Теодор Рузвельт неизменно оставались глухими к экономическим потрясениям, за что и наказывались, поскольку те ставили конец их политической карьере»[4, в. 3, р. 10]. Поэтому и Гувер, и другие члены его администрации, или, как принято сейчас говорить, руководители «экономического блока» администрации (министры торговли, сельского хозяйства, замминистра финансов и председатель ФРС), решили активно действовать уже сразу после биржевого краха, начавшегося 24 октября и завершившегося полным крахом Уолл-стрит в «чёрный вторник» 29 октября 1929 г., когда на фондовой бирже в торговый оборот было вброшено 16 млн. акций, а итогом торговой сессии явилось то, что бесследно исчезли 30 млрд. долл. – по тем временам, умопомрачительная сумма.

В 1999 г. К. Ромер, нынешняя председатель Экономического совета при президенте США, в своей большой работе, посвящённой специфике циклов американской экономики с конца XIX и по конец XX века, дала свою оценку их глубины, измеренной в процентных пунктах (п.п.) падения промышленного производства умноженного на продолжительность кризиса в месяцах: в 1929 г. падение составило 3120 п.п. Для сравнения: экономический кризис 1973–1975 гг. вызвал потери в 248 п.п.[7] Как остроумно заметил в ходе слушаний, посвящённых урокам «Нового курса» другой американский экономист проф. Б. ДеЛонг, если взять за 100% даже 1928 г., то «в истории США вообще не было такого явления, как “Великая депрессия”»[8].

Интерпретационный характер трактовок экономической политики Г. Гувера

Экономическая политика администрации Гувера сложна для анализа по ряду причин. Современный институциональный механизм выработки и проведения целенаправленной экономической политики американских администраций, основанный на использовании опыта и знаний сообщества экспертов и академических аналитиков, сформировался в США только после Второй мировой войны. К началу экономического краха 1929 г. федеральное правительство США играло роль «ночного сторожа» – его доля в производимом и распределяемом ВВП США того времени не превышала 3–4%. Более чем скромная роль федерального правительства в экономике страны объяснялась в первую очередь тем, что вплоть до 1929 г. в США существовало принципиально иное «общественное разделение труда и управленческих функций» – за состояние экономики и выработку экономического курса развития страны в самом широком смысле этого слова отвечали деловые и финансовые круги, объ-

единяемые одним ёмким словосочетанием – «Уолл-стрит». В середине 1960-х годов американский историк А. Ромаско подчёркивал, что традиция «отождествлять руководство страны с политическими кругами и политиками» сформировалась в США только к середине 1950-х годов: «До “Великой депрессии” американцы обычно отождествляли руководство страны с бизнесом и бизнесменами. Они думали и говорили не о капитанах политики, а о капитанах промышленности». Именно предприниматели и бизнесмены, обладавшие «гением, безудержным напором, воображением и властью, сумели превратить свои замыслы и навязчивые идеи в реальность трансконтинентальных железных дорог, фабрик, заводов и крупных городов. При этом их нескоординированные шаги и устремления невольно привели к тому, что Америка постепенно превратилась в современное промышленно развитое общество»[9].

Подчинённая роль федерального правительства по отношению к бизнесу и финансовым кругам была официально заявлена и подтверждена Г. Гувером в его инаугурационной речи при вступлении в должность президента 4 марта 1929 г.: «Прошедшие президентские выборы ещё раз подтвердили твёрдое намерение американского народа в отношении того, чтобы магистральным путём взаимодействия с бизнесом стало регулирование частных предприятий, а не развитие государственных форм собственности или государственное вмешательство в экономику. В последние годы мы сформировали принципиально новую систему регулирования бизнеса, основанную на регулировании, с одной стороны, отраслей по производству и распределению товарной продукции, а с другой – коммунальных энергокомпаний. В первом случае мы законодательно усилили эффективную конкуренцию, во втором – значительно усилили монополию путём ограничения конкурентных начал и поэтому ужесточили регулирование услуг и тарифов. ... Однако усиление регулирующих начал со стороны федерального правительства должно проходить в строгом соответствии с ограничениями, накладываемыми Конституцией, и только в том случае, если отдельные штаты окажутся не в состоянии защитить своих граждан своими властными полномочиями». Поэтому, подытожил свою мысль Г. Гувер, «основным путём обеспечения стабильности и безопасности бизнеса и занятости» является совершенствование различных форм самоуправления, в рамках которого «государство должно стимулировать и поддерживать движение к коллективной самопомощи, сотрудничая с ним. Именно такое сотрудничество обеспечивает бизнесу наибольший прогресс в развитии услуг, в производственной стабильности, в обеспечении занятости и в устранении своей собственной порочной практики ведения дел. Этот прогресс, однако, может продолжаться только до тех пор, пока бизнес будет строго соблюдать законы»[10, 4.03.1929].

Функция «ночного сторожа» предопределила и практически полное отсутствие на рубеже 1920-х – 1930-х годов у федерального правительства рычагов и инструментов воздействия на экономику страны. Их отсутствие обусловило и исключительно слабую аналитико-информационную базу выработки экономической политики федеральным правительством; по сути, единственным более или менее достоверным источником «освещения» проводившейся США в 1929–1933 гг. экономической политики являются публичные заявления, послания и

выступления самого Г. Гувера, сделанные во время пребывания у руля исполнительной власти, а также его последующие достаточно многочисленные выступления и статьи, а также мемуары, увидевшие свет в начале 1950-х годов.

Публичные послания и заявления Г. Гувера, сделанные им в период пребывания у власти, не дают адекватного представления о проводившейся его администрацией «реальной» экономической политике, поскольку в период самого острого и глубокого экономического кризиса за всю историю США Г. Гувер выступал скорее в качестве «психотерапевта» американского общества, нежели в роли лидера нации, разъясняющего смысл и направленность проводимого им экономического курса. В тот период и деловые круги, и общество больше всего нуждались в чувстве уверенности в завтрашнем дне. Даже наиболее последовательные критики экономической политики Г. Гувера соглашались с его утверждением о том, что «страх и дурные предчувствия, независимо от источника их происхождения – внутри страны или за её пределами – являются вполне реальными, материальными экономическими силами. Страх побуждает людей сокращать покупки, что в свою очередь отрицательно сказывается на занятости, и он же способствует возникновению мании к ликвидации, катастрофически сказывающейся на производстве и кредите. В настоящее время мы больше всего страдаем от парализованной уверенности, нежели от паралича в движении ценных бумаг»[10, 15.06.1931]. Поэтому в своих речах и посланиях Гувер «постоянно уверял общественность, что экономическая ситуация не выглядит совсем уж плохо, хотя впоследствии оказывалось, что события разворачиваются по ещё более худшему сценарию, о котором он вскользь предупреждал»; на всём протяжении своего президентства Гувер боялся «сообщать общественности даже свои собственные оценки истинного положения дел в экономике»[11].

Поэтому в отличие от многочисленных исследований теории и практики «Нового курса» Ф. Рузвельта, первые из которых появились ещё во время его пребывания у власти и поток которых не иссякал даже до самого последнего времени, американская литература нового и новейшего времени насчитывает крайне ограниченное количество «солидных академических» исследований экономической политики его предшественника, в которых, как правило, можно найти лишь фрагментарные оценки отдельных шагов гуверовской администрации в период кризиса 1929–1933 годов.

Эта фрагментарность не в последнюю очередь связана с тем, что Гувер в целом является почти забытым американским президентом. Причину практически полного забвения Г. Гувера сравнительно недавно хорошо выразили Р. Смит и Т. Уолш – соответственно бывший и нынешний директора Гуверовской президентской библиотеки и музея и по этой причине настроенные более чем благожелательно «к великому американцу»: «Даже в настоящее время Герберт Гувер остаётся неразрывно связанным с экономическим кризисом, который лишил работы миллионы американцев в 1930-е годы. Его поражение на президентских выборах практически ничего не оставило от его некогда блестящей репутации. ... Он вошёл в историю как президент, который оказался неспособным справиться с “Великой депрессией”, ... как холодная и бездушная фигура, полностью ответственная за всё то плохое, что происходило в американской экономике в тот

период. И именно по этой причине история его президентства по-прежнему остаётся практически неосвещённой и неизученной»[12].

По сути, экономическая политика администрации Гувера явилась антикризисной программой далеко не всегда продуманных и просчитанных (а по мнению многих пристрастных критиков – вообще не продуманных и не просчитанных) действий и шагов, которые нередко являлись простой импульсивной реакцией на нараставшие как снежный ком проблемы. Как указал недавно известный американский специалист по управлению инвестициями П. Бернстейн, «только крайне ограниченный круг людей осмеливался заниматься математической экономикой, включая даже Кейнса (который написал в 1920-е годы авторитетное исследование по теории вероятности), но ни одна сколько-нибудь заметная работа по экономике, написанная в первой половине XX века, не опиралась на нечто большее, чем курс алгебры средней школы, излагая концепции большей сложности в примечаниях или в набранных мелким шрифтом приложениях»[13]. Поэтому практически каждая попытка рассмотрения экономической политики администрации Гувера является *разновидностью интерпретационного анализа*, в котором расстановка акцентов и оценка значимости действий президента носят в значительной степени идеологизированный и нередко пристрастный характер, отражая политико-идейные убеждения и преференции авторов соответствующих изысканий. Эта полярность в оценке экономической политики администрации Гувера американскими академическими исследователями объясняется комплексом причин.

Во-первых, Гувер – один из тех американских президентов новой и новейшей истории, который сформулировал базовые идейные принципы цивилизации бизнеса на одном из пиков её развития в XX веке. В 1920-е годы американская плутократия безраздельно правила Америкой и претендовала на мировое господство. Гувер обосновал теорию американской исключительности, которую многие исследователи считали своеобразной формой «белого расизма», носителями которого в современном мире являются англосаксы. Как отметил в середине 1970-х годов американский историк Р. Собел, Гувер ещё до Первой мировой войны «безоговорочно уверовал в исконное превосходство белых по отношению к небелым, и американцев – по отношению ко всем остальным нациям западного мира (когда Гувер говорил об американцах, то он имел в виду только белых). ... Гувер уважал англичан, с пренебрежением относился к французам, а русских считал азиатами, которые вообще не являются составной частью западной цивилизации»[14]. В этом своём качестве гуверовская теория параллельна германской теории исключительности немецкой нации – «арийской расы».

Во-вторых, Гувер решительно отрицал политику «Нового курса» и очень критически относился к самому Ф. Рузвельту. Критика Гувером Рузвельта была до известной степени формой неприятия всего современного американского либерализма, представленного Демократической партией США, в том числе американскими интеллектуалами[15]. Как отметил известный американский историк Ф. Фрейдел, между Гувером и Ф. Рузвельтом «действительно существовала жестокая вражда – они ненавидели друг друга до такой степени, что, когда они ехали в одном автомобиле на инаугурацию Рузвельта, им не

о чем было говорить друг с другом». При этом уже в конце 1950-х годов Гувер сообщил Фрейделу в личной беседе, что «никогда толком не знал Рузвельта. Мы мельком встретились с ним однажды. Я никогда не воспринимал его всерьёз»[16, р. 137, 139].

И, наконец, в-третьих, Г. Гувер оказался политическим долгожителем (10.08.1874 г. – 20.10.1964 г.), став единственным президентом, прожившим 31 год после ухода со своего поста в 1933 г. Всё это время он постоянно присутствовал на американской политической арене, и многие американцы, родившиеся после Второй мировой войны, «ещё помнили старичка, выступавшего на съездах Республиканской партии в 1952, 1956 и 1960 г. – сентиментальные сцены, во время которых толпы мужчин и женщин восторженно приветствовали чудаковатую фигуру, неведомым образом возникшую из далёкого прошлого»[16, р. 27]. После своей отставки и «до конца своей жизни, вплоть до начала 1960-х годов, он неустанно защищал проводившуюся им политику, т.е. даже после того, как большая часть этих проблем потеряла всякий интерес для большинства американцев. К концу своей жизни Гувер выглядел гротескным и чудаковатым, почти карикатурным старым генералом, пытающимся применить уроки испано-американской войны 1898 г. в условиях Первой мировой войны. В этом плане Гувер оказался своим самым заклятым врагом, внеся дополнительную лепту в длинный список своих неудач»[14, р. 27].

Это обстоятельство политической биографии американского президента-неудачника также является достаточно поучительным для современной России. С начала 1990-х годов в стране стало стремительно расти число политических деятелей, карьера которых окончилась бесспорным крахом, но которые с удвоенной энергией оправдывают и защищают провальную политику, которую они проводили в период пребывания в высших эшелонах власти, не будучи знакомы с последствиями и уроками «синдрома Гувера».

Эволюция взглядов американских исследователей на характер экономической политики Г. Гувера

В своём небольшом эссе, появившемся в 1932 г. и целиком посвящённом экономической политике Гувера, видный деятель рузвельтовской администрации и один из идеологов «Нового курса» Р. Тагвелл трактовал её как прогрессирующее нарастание несоответствия базовых исходных принципов экономической политики, которым администрация Гувера стала следовать уже в конце 1929 г. и которым в целом она осталась приверженной вплоть до истечения срока своих полномочий в начале 1933 г., и формирующейся экономической реальности. По заключению Р. Тагвелла, Гувер «всё в меньшей степени оказывался способным понять окружающую его реальность. Постепенно он оказался в западне политической ловушки, в которую нередко попадают президенты, – он всё больше и больше верил в то, что его слова соответствуют действительности, поскольку их произносит именно он». Взгляды Гувера на экономику и экономическую политику носили цельный и логически связанный характер, но в этом своём качестве «они представляли собой догмы; его подход к экономике носил теологический характер и по форме и по содержанию», и поэтому «они представляли цельный свод последовательных принципов. Их

противоречивость и порочность обнаруживалась только при соприкосновении с жуткой реальностью»! [14, р. 6, 17]

Гувер в своей речи на съезде Республиканской партии в 1928 г. сам блестяще сформулировал своё кредо, заявив о том, что «достигнутый нами научно-технический и экономический прогресс убедительно свидетельствует о фундаментальной правильности нашей экономической системы». Именно поэтому, резюмировал Тагвелл, Гувер считал, что «экономическая прострация США носит в значительной степени воображаемый характер», и поэтому Америка более «нуждается в подавлении шторма страха, нежели в капитальном ремонте или замене устаревших американских институтов»[17, р. 6, 17].

Известный американский экономист 1930-х годов Дж. Соул в 1933 г. указывал, что «немалое число людей считает, что президент Гувер на всём протяжении пребывания у власти оставался бездейственным перед лицом депрессии»[18]. Уже спустя несколько лет наиболее ярые сторонники Гувера предприняли попытку показать, что в ходе экономического кризиса 1929–1933 гг. президент и его администрация выдвинули по меньшей мере три программы по его преодолению. В 1936 г. профессор Принстонского университета У. Майерс и У. Ньютон, который был помощником-секретарём Гувера в Белом доме на всём протяжении его пребывания у власти, выпустили обширный труд объёмом свыше 550 страниц – хронологию деятельности Гувера на посту президента США, где они попытались доказать, что «президент Гувер был первым президентом в американской истории, который в качестве главы федерального правительства мобилизовал экономические ресурсы нации и призвал к проявлению максимальной инициативы каждым американцем в борьбе с депрессией. При этом в своих действиях он строго придерживался ограничений, накладываемых конституционными полномочиями федерального правительства. В ряде случаев, когда угроза для ... экономической или финансовой системы США проистекала из-за рубежа, он придал своим действиям всемирный характер»[19, р. 3]. Важное место в этой хронологии было отведено обоснованию известного тезиса самого Гувера, согласно которому «фундаментальной причиной “Великой депрессии” является Первая мировая война»[19, р. 4].

После Второй мировой войны относительно более сбалансированный – «академический» – подход в оценках американских исследователей экономической политики Гувера объяснялся убеждением, что, независимо от её изначальной или последующей провальности, в первые годы «Великой депрессии» мало что можно было сделать для того, чтобы подавить её «в зародыше». В 1959 г. американский историк профессор Х. Уоррен развил точку зрения, что десятилетие «Великой депрессии» логически складывается из двух фаз – президентства Гувера и президентства Ф. Рузвельта; прежде чем перейти к фазе активного государственного вмешательства в экономику, Америка должна была испытать горькую чашу и убедиться в полной тупиковости «политической и социальной философии Гувера, согласно которой люди сами должны решать свои собственные проблемы». Гувер предложил «решения экономических проблем, основанные на либеральной американской традиции; он считал, что власть и влияние национального правительства должны ограничиваться инициацией проектов, организацией дискуссий, распространением идей и созданием благоприятной атмосферы для общественных действий»[11, р. 299]. По

мнению Х. Уоррена, Гувер, по сути, подготовил почву для «Нового курса» и явился необходимым президентом «переходного периода», поскольку он «был слишком прогрессивным для консерваторов и слишком консервативным для радикалов. В этом смысле страна и противники Гувера должны быть признательны ему за это, особенно его противники, поскольку именно Гувер, а не они, оказался на посту президента США в роковые 1929–1933 годы»[11, р. X].

В середине 1960-х годов американский историк А. Ромаско, проведший самое полное из всех известных исследование экономической политики Гувера, резко усилил критический настрой в отношении консервативной философии, которая оказалась беззащитной и бесполезной перед лицом «сил экономического коллапса». Правоконсервативная идеология «рыночного фундаментализма» оказалась неспособной распознать действие этих сил в обществе и экономике. Важнейшая причина этого состояла в самой трактовке экономических кризисов и спадов: «Традиционное отношение американских лидеров к экономическим затруднениям в большей степени проистекало от инерции мышления, нежели от сознательного игнорирования. Депрессии считались своего рода естественным феноменом: их ход определялся их собственными законами, они выполняли ряд полезных функций и в конце концов они проходили под влиянием естественных процессов. Депрессия являлась своего рода грозным ливнем: всякий разумный человек исходит из своей неспособности остановить дождевые потоки, и поэтому он дожидается их окончания в убежище, философски считая при этом, что от дождевых потоков тоже есть польза – они смывают много грязи»[9, р. 4].

Важнейшим краеугольным камнем экономической политики Гувера был принцип, что «экономический кризис должен быть преодолен самими людьми, а не федеральным правительством». Помимо этого, предложенная администрацией программа действий преследовала двойную цель: «преодоление кризиса и сохранение в неприкосновенности основ американской системы в том виде, как их понимал Гувер. ... Спустя два года депрессии идеи и инструменты этого подхода были использованы в полной мере и оказались полностью дискредитированными. Скважина консерватизма была вычерпана до дна». При этом, как указал Ромаско, «"Великая депрессия" вновь усадила за школьные парты американский народ – и особенно его лидеров»[9, р. 7, 232, viii]. В этом, по мнению американского историка, и состоит главное значение уроков экономической политики администрации Гувера – как не надо действовать в ходе сложных экономических потрясений.

В середине 1970-х годов американский историк Р. Собел достаточно убедительно показал, что на начальных – достаточно критических – этапах экономического кризиса 1929–1933 гг. в США не существовало ни политических, ни интеллектуальных сил, которые были способны выдвинуть альтернативные программы действий по выводу американской экономики из депрессии. Он особо подчеркнул, что к концу 1930 г. «все три фракции в Конгрессе США – реформаторы, старая республиканская гвардия и умеренные демократы – с остервенением набросились на Гувера, критикуя его за его действия или бездействия. Однако в течение первого года кризиса никто из них не предложил никакой альтернативной программы или доказательств того, что они – в отли-

чие от президента – не считают, что депрессия продлится всего несколько месяцев, или в самом худшем случае не более одного года»[14, р. 61].

Одновременно Р. Собел сформулировал достаточно интересный тезис о том, что содержание и направленность экономической политики на всём протяжении «Великой депрессии» играли второстепенную роль по отношению к политическим способностям Гувера и Ф. Рузвельта. По его мнению, независимо от курса на сохранение статус-кво, предложенного Гувером, или курса радикальных социально-экономических реформ, предложенного Рузвельтом, и та, и другая стратегия действий требовала для своей реализации политической изворотливости, талантов и способностей, которые могут быть охарактеризованы как «политическая гениальность». Именно этого до конца своей жизни не понял Гувер; в 1938 г. он «с горечью отметил, что был подвергнут ostracism за то, что не смог покончить с депрессией за три года, в то время как Рузвельт был “вознесён до небес”, хотя не смог обеспечить стране процветания даже спустя шесть лет после пребывания в Белом доме. Гувер мог бы при этом добавить, хотя он этого и не сделал, что Рузвельт был одним из самых пронзительных политиков, которых когда-либо породила Америка, в то время как Гувер принадлежал к числу наиболее бездарных»[14, р. 67].

По сути, Гувер был «свадебным генералом», выдвинутым на политический американский Олимп крупным капиталом, финансистами и банкирами Уолл-стрит. Он не прошёл через горнило политических баталий, сопровождающих выборные кампании членов штатных легислатур, губернаторов, конгрессменов и сенаторов, в ходе которых и выковывается «непотопляемость» ключевых фигур политической элиты США практически в любых политических и социально-экономических условиях. В этой связи достаточно указать на такой, не слишком афишируемый факт политической биографии 31-го американского президента: первой и единственной выборной должностью Гувера за всё время его общественной карьеры был пост... президента США.

И, наконец, в 1977 г. американский историк Э. Розен акцентировал внимание на том обстоятельстве, что в отличие от Ф. Рузвельта, опиравшегося при разработке политики «Нового курса» на академических учёных США, объединённых в известный «мозговой трест», созданный Рузвельтом в 1932 г., Гувер во время кризиса 1929–1933 гг. практически не обращался к экспертному опыту американской интеллектуальной элиты, особенно американских экономистов, которые «были совершенно отстранены от выработки политики Великим инженером, сидевшим в Белом доме», и в этом плане им претила сама мысль о «ещё четырёх годах пребывания Гувера у власти с его допотопными экономическими воззрениями и ностальгией по сохранению существующего статус-кво, не принимавшего в расчёт сопутствующие социальные издержки проводимой политики»[20]. Монографическое исследование Э. Розена вполне может быть интерпретировано как хорошая иллюстрация классического положения о том, что правительство является не более чем «внешним комитетом по управлению делами крупного капитала, своего рода ширмой, которая скрывает истинный механизм принятия судьбоносных экономических решений, принимаемых в тиши офисов крупных корпораций и банков и гостиных закрытых клубов для узкого круга “посвящённых”».

Не следует также думать, что более поздние – и, следовательно, более близкие к нам по времени – работы американских исследователей являются «более глубоко проработанным аналитическим продуктом», результатом растущего прогресса в научных исследованиях. Даже совсем наоборот – с приходом к власти в начале 1980-х годов правоконсервативной администрации Рейгана, которая во многих отношениях явилась вторым изданием «воскресшей как Феникс из пепла» гугеровской администрации, были предприняты значительные усилия тем или иным способом реабилитировать Гувера, отодвинуть на второй план наиболее очевидные провалы и упущения в экономической политике его администрации. В частности, именно к этому периоду относится начало широкой дискуссии о монетарных причинах «Великой депрессии», которую развили в первой половине 1960-х годов М. Фридман и А. Шварц в их известной работе 1963 г. «Монетарная история Соединённых Штатов, 1867–1960 гг.».

Как указала А. Шварц в своей статье «К пониманию экономического кризиса 1929–1933 гг.», спустя почти 50 лет после биржевого краха 1929 г. в США «возобновились дебаты относительно причин, породивших необычную продолжительность и исключительную суровость спада, продолжавшегося 43 месяца подряд. При этом не было отмечено появления новых фактов относительно экономических спадов, которые привели бы к пересмотру прежних суждений и оценок. Скорее имела место смена поколений в экономической науке – новое поколение экономистов по-иному стало осмысливать уже известные факты. Поэтому вполне правомерен вопрос о том, насколько новое поколение преуспело в объяснении известных фактов по сравнению с прежними поколениями, или же новые объяснения должны быть отвергнуты, поскольку они противоречат уже известным фактам»[20, р. 67].

Монетарная трактовка генезиса «Великой депрессии», которая восторжествовала в США на протяжении последних почти 30 лет[21], может быть понята в конечном счёте только через призму тонкой завуалированной защиты экономической политики Гувера. Её смысл сводился к тому, что в результате биржевого краха 1929 г. американская экономика утратила точку (или точки) равновесия на своих финансовых и товарно-сырьевых сегментах, и поэтому для того, чтобы выйти на устойчивую траекторию последующего роста, ей вначале было необходимо найти (или нащупать) новые равновесные опоры. Эта цель могла быть достигнута лишь с помощью самокорректирующего ценового (рыночного) механизма, и государственное вмешательство в этих условиях могло только помешать или пролонгировать этот процесс. И хотя имя Гувера не было названо, по сути, в этом и состояла «мудрая» политика его администрации с её «невмешательством» в экономику. Американские экономисты кейнсианского толка Р. Гордон и Дж. Уилкоккс в чёткой тезисной форме сформулировали итоговое кредо монетарных ревизионистов:

- **«Тезис 1.** В условиях отсутствия шокового спроса, вызванного непоследовательной государственной политикой, частные расходы будут оставаться стабильными, поскольку их потребление будет определяться сравнительно стабильным “перманентным” доходом.
- **Тезис 2.** Даже в том случае, если частные планируемые расходы не являются полностью стабильными, гибкая система ценообразования породит естественную способность к восстановлению рыночного равновесия.

- **Тезис 3.** Даже в том случае, если частные расходы не являются полностью стабильными, а система ценообразования – полностью гибкой, активная монетарная и фискальная политика, имеющая цель компенсировать перепады в движении частного спроса, скорее принесёт больше вреда, нежели пользы.

- **Тезис 4.** Даже в том случае, если система ценообразования не является полностью гибкой, что позволяет экономике отклоняться от равновесия в краткосрочном плане, увеличение продолжительности периода адаптации к новым экономическим условиям вряд ли будет способствовать росту гибкости системы ценообразования»[22].

В конечном счёте монетарная ревизия причин экономического кризиса 1929–1933 гг. имела своей целью обосновать приоритет поддержки устойчивости финансового сектора по отношению к реальному сектору американской экономики, который с самого начала исповедовала администрация Гувера, и которую современные рыночные фундаменталисты имплицитно рекомендовали высшему политическому руководству США в случае повторения катаклизмов, аналогичных «Великой депрессии» 1930-х годов.

В рамках настоящего исследования экономической политики администрации Гувера её анализ также является интерпретационным. Эта интерпретация базируется на четырёх основных логически связанных между собой принципах, которые – в авторском понимании – и были положены в основу антикризисной программы гуверовской администрации. Во-первых, решающую роль играла система жёстких идеологических ограничений и табу, которым следовал сам Гувер и которые были составной органической частью его мировоззрения. Во-вторых, его администрация пыталась решить возникшие в конце 1929 г. экономические трудности путём использования ресурсов и возможностей мировой экономики, а не за счёт изменения или преобразования механизма функционирования собственно американской экономики. В-третьих, из этой установки вытекал приоритет поддержки финансового сектора, который, в-четвёртых, неизбежно влёт за собой минимизацию поддержки реального сектора экономики. Результирующая «расстыковка» финансового и реального секторов экономики США, обусловленная ориентацией на мировую экономику и поддержку исключительно крупных международных банков США, сделала экономический коллапс в 1929–1933 гг. практически неотвратимым.

Экономическая политика администрации Гувера, таким образом, явилась эндогенным фактором экономического краха США на рубеже 1920-х – 1930-х годов. Фундаментальная причина, по которой она сыграла именно такую роль, заключается в том, что правомерность сравнения продолжительных экономических потрясений с «идеальным морским штормом» предполагает существование в экономическом пространстве не только «циклонов», но и «бермудских треугольников» – своего рода экономических зазеркалий (которыми, собственно говоря, и являются «Великие депрессии»), когда причины и следствия меняются местами, Часть становится больше Целого, а кратчайшим расстоянием между двумя точками – в данном случае от начала экономического кризиса до его окончания – оказывается самая протяжённая линия.

Список литературы:

1. *Krugman P.* Fifty Herbert Hoovers // The New York Times, 28.12.2008.
2. *Santayana G.* The Life of Reason: Or, The Phases of Human Progress. Vol 1. Reason in Common Sense. [Free online from Project Gutenberg, 1998].
3. *Temin P.* The Great Depression // NBER Working Paper Series on Historical Factors in Long Run Growth. Historical Paper No. 62. November 1994 / <http://www.nber.org>.
4. The Memoirs of Herbert Hoover. The Great Depression, 1928–1941. Vol. 3, N.Y., 1952.
5. *Ohanian L.* Lessons From the New Deal. Testimony Prepared for the U.S. Senate Committee on Banking, Housing, and Urban Affairs. 31.03.2009. (<http://www.senatecongress.gov/>). См. также: *Cole H. and Ohanian L.* New Deal Policies and the Persistence of the Great Depression: A General Equilibrium Analysis // Federal Reserve Bank of Minneapolis. Research Department. Working Paper 597. May 2001. 76 pp.
6. *Friedman M. and Schwartz A.* A Monetary History of the United States. Princeton, 1963 (Нобелевская премия по экономике за 1976 г.); *Lucas R. and Rapping L.* Unemployment in the Great Depression: Is There a Full Explanation? // Journal of Political Economy, January 1972 (Нобелевская премия по экономике за 1995 г.); *Prescott Ed.* Some Observations on the Great Depression // Federal Reserve Bank of Minneapolis Quarterly Review. 1999. No. 1; *Prescott Ed.* Prosperity and Depression // American Economic Review Papers and Proceedings, May 2002 (Нобелевская премия по экономике за 2004 г.).
7. *Romer Ch.* Changes in Business Cycles: Evidence and Explanations // NBER Working Paper Series. Working Paper 6948. February 1999. Table 5 / <http://www.nber.org/papers/w6948>.
8. *De Long B.* The New Deal: Lessons for Today. 29.03.2009, p. 18. Testimony Prepared for the U.S. Senate Committee on Banking, Housing, and Urban Affairs / <http://www.senatecongress.gov/>.
9. *Romasco A.* Hoover, the Nation, the Depression. N.Y., 1965. P. 39–40.
10. *Hoover H.* Public Papers and Addresses. Inaugural Address. 4.03.1929, 15.06.1931 / <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/>.
11. *Warren H.* Herbert Hoover and the Great Depression. N.Y., 1959. P. 296.
12. *Smith R. and Walth T.* The Ordeal of Herbert Hoover // The U.S. National Archives & Records Administration. Summer 2004. Vol. 36. No. 2 / <http://www.archives.gov/>.
13. *Bernstein P.* Capital Ideas. The Improbable Origins of Modern Wall Street. Hoboken, 2005. P. 93.
14. *Sobel R.* Herbert Hoover at the Onset of the Great Depression, 1929–1930. Philadelphia, 1975. P. 27.
15. *Травкина Н.М.* США: партии, бюджет, политика. М., 2008. С. 50–79.
16. Understanding Herbert Hoover: Ten Perspectives. Ed. by L. Nash. Stanford, 1987.
17. *Tugwell R.* Mr. Hoover's Economic Policy. N.Y., 1932.
18. *Soule G.* Which Way Out? // Forum, March 1933. P. 148.
19. *Myers W. and Newton W.* The Hoover Administration. A Documented Narrative. N.Y., 1936.
20. The Great Depression Revisited. Ed. by K. Brunner. Boston, 1981.
21. *Васильев В.С.* Конец эры академических экономистов // США ♦ Канада, 2009. № 7. С. 20–22.
22. *Gordon R.J., Wilcox J.A.* Monetarist Interpretation of the Great Depression: An Evaluation and Critique / The Great Depression Revisited. Ed. by K. Brunner. Boston, 1981.